

Вокруг мира на 80 поездах. 72 000 километров новых открытий

Автор:

[Мониша Раджеш](#)

Вокруг мира на 80 поездах. 72 000 километров новых открытий

Мониша Раджеш

Подарочные издания. Туризм

Железнодорожное путешествие – это всегда бесконечная суэта, крики, грязь и хаос. Есть ли в таких поездках место для удивительных приключений и открытий? Несмотря на непонимание родных и друзей, Мониша Раджеш, британская журналистка, всегда мечтала совершить кругосветное путешествие на поезде. Она тщательно проработала свой маршрут и, собрав все самое необходимое, вместе со своим женихом отправилась в незабываемое путешествие. Вместе с героями книги из окна поезда вы увидите необъятные просторы России, Монголии, Северной Кореи, Канады, Казахстана и многих других стран. Вы узнаете:

- Каково жить в постоянном движении?
- Как наслаждаться путешествием в поездах в компании разных людей, невзирая на различия менталитетов?
- Чем отличаются поезда в разных странах и какие необычные правила необходимо соблюдать в вагоне?
- И как решиться на такую безумную авантюру? Мониша Раджеш побывала на всех континентах планеты, провела 7 месяцев в пути и проехала более 72 000 километров по железным дорогам. Ее статьи о путешествиях нашли отклик в сердцах миллионов читателей журналов Time, The New York Times, The Guardian и The Sunday Telegraph. Погрузитесь и вы в невероятный мир железнодорожных приключений!

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Мониша Раджеш

Вокруг мира на 80 поездах. 72 000 километров новых открытий

Посвящается Ариэль, без которой эта книга не вышла бы в свет

AROUND THE WORLD IN 80 TRAINS:

A 45,000-Mile Adventure by Monisha Rajesh

© Monisha Rajesh © 2018. This translation is published by arrangement with
Bloomsbury Publishing Plc

© Иванова Ю.А., перевод, 2020

© Снегова В.Е., литературная редакция, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

14:31 в Париж

Стоя у окна, я смотрела на стальной каркас стеклянной крыши Сент-Панкрас, сквозь которую проглядывали участки голубого неба. В какой-то момент и оно, и

крыша начали двигаться, и я поняла, что это тронулся мой поезд. Eurostar 14.31 по маршруту Лондон – Париж, набирая обороты, покидал вокзал, купе наполнял теплый весенний солнечный свет, и я устроилась поудобнее в своем кресле. Удаляясь от Лондона, я старалась напитаться городом, вдохнуть его и удержать внутри, ведь увидеть вновь его предстояло только через семь месяцев. Впереди меня ожидало долгое путешествие вокруг света. Ровно пять лет назад я сошла с Charminar Express в Ченнае, восьмидесятого по счету поезда, тем самым окончив свое путешествие по Индии. Проездной на три месяца, устаревшая карта и безнадежная наивность – вот и все, что я взяла тогда с собой. Всего я преодолела 40 тысяч километров – расстояние, равное окружности земного шара, – и объехала почти всю страну. В перерывах между пересадками с одного поезда на другой я прочувствовала на себе, почему железнодорожную сеть Индии называют ее «жизненно важной артерией».

Чудом избежав огромного количества передряг и неурядиц, я зареклась даже думать о подобных приключениях в будущем. Тогда я еще не знала, что очарование железной дорогой украдкой поселилось в моем сердце, жажда путешествий бурлила в моей крови, а тело впитало ритмичный стук колес и хотело испытать эти ощущения вновь. Довольно скоро симптомы железнодорожной лихорадки дали о себе знать: я полюбила стоять на мостах, под которыми с грохотом проносились товарняки. В теплые деньки я покупала билеты на поезда туда-обратно, чтобы только провести время за чтением у окна, а по ночам вслушивалась, чтобы разобрать тот самый звук, издаваемый вдали паровозными гудками. Сначала я испытывала неутолимую тоску, но с течением времени это уже стало напоминать болезнь. И излечиться от нее в Лондоне мне не удавалось. Мне срочно нужно было отправиться в дальнейшее путешествие по железной дороге, но возможности собрать вещи и запрыгнуть в поезд у меня не было. После возвращения из Индии я легко вернулась к ритму лондонской жизни и устроилась редактором в журнал Week, и, вне всяких сомнений, это была работа мечты – я неспешным шагом добиралась до нее к 10 утра, целый день читала газеты и распивала чай, а Коко, такса, жившая в нашем офисе, спала у меня на коленях. В сущности, я получала зарплату за то, чем люди обычно (и совершенно бесплатно) занимаются в ленивые воскресные дни. А еще теперь мне нужно было учитывать мнение еще одного человека, моего жениха Джереми, который сделал мне предложение несколькими месяцами ранее прямо рядом с мусорным контейнером у станции метро St John's Wood. В процессе его практически снесла с ног группа японских туристов в дождевиках и резиновых сапогах, но это не помешало ему попросить меня выйти за него под проливным дождем в том самом месте, где началось наше первое свидание.

Я гнала от себя мысли о поездке и плыла по течению ежедневной рутины, подавляя подобные желания каждый раз, когда они возникали, пока в один прекрасный день не сдалась: слишком много еще нужно было узнать о железных дорогах, а поезда, хотя и терпеливо ждали меня, могли в любой момент умчаться вдаль, и тогда мой шанс был бы утерян. Сфера железнодорожных путешествий развивается стремительно: все больше появляется высокоскоростных поездов, старомодные медленные составы постепенно уходят в прошлое. Становится все меньше ночных маршрутов, классические направления теряют былую популярность. Если верить экономистам и пессимистам, романтику железных дорог вот-вот должен был постигнуть неотвратимый конец, но я отказывалась в это верить. Конечно, с железными дорогами Индии не могли сравниться никакие другие, но я знала, что в каждой стране они обладают собственным шармом, стоит только копнуть глубже. Поезда таят в себе кладези интересной информации, главное – найти подход к их пассажирам, чтобы они поведали свои истории.

Выпив последнюю чашку чая, я потрепала Коко по голове и распрощалась с Week. Джереми, или Джем, как его называли друзья, согласился присоединиться ко мне на месяц во время путешествия, и я приступила к его тщательному планированию. На стене в гостиной я повесила карту мира, воткнула в пункты назначения булавки и соединила их между собой разноцветными нитками, чтобы наглядно увидеть, какой путь мне предстоит преодолеть в ближайшие семь месяцев. Я сидела на полу, окруженная стопками путеводителей и карт, сосредоточенно изучая маршруты, отмечая важные события в разных странах в попытке довести свой план до совершенства. Одно из главных заблуждений путешественников – вера в то, что они все держат под контролем, и это только верхушка айсберга иллюзий; в итоге это приводит к большим разочарованиям. Поэтому я закладывала время на отмены рейсов, опоздания – как поездов, так и свои. Когда я путешествовала по Индии, план был – «никаких планов», и в пределах одной страны он вполне удался; в кругосветке, со всеми ее странами, городами и транзитами, этот подход точно не оказался бы столь же плодотворным. По мере приближения даты отбытия Джем становился все более молчаливым, пока в одно прекрасное утро он не сел рядом со мной и не спросил:

– Ты точно справишься с этим семимесячным путешествием в одиночку?

– Да, – неожиданно робко ответила я.

– Ты уверена? – Он вглядывался в карту. – Ты ведь собираешься в такие опасные места, как Иран и Узбекистан?

– Со мной все будет в порядке.

На самом-то деле в этом я не была на 100 % уверена. В Индии мне довелось пережить многое – меня лапали в поездах, зажимали в углу на вокзале, гнались за мной на платформах, пристально оглядывали, ухмылялись, орали, плевались, покрывали нецензурной бранью. Не счесть количество ночей, что я провела в отелях, забаррикадировав сумками и чемоданами дверь в номер. Кроме того, мне не хотелось оставлять Джема одного. Как жаль будет отправиться в Европу, Россию, Монголию, Китай, Вьетнам, Таиланд, Малайзию, Сингапур, Японию, Канаду и Америку – и не иметь рядом попутчика, с которым можно разделить воспоминания о поездке.

Уже сидя в пассажирском кресле, я смотрела на человека рядом с собой и понимала, что мы сделали правильный выбор. Джем уволился, купил свой первый походный рюкзак и решил сопроводить меня на протяжении всего путешествия. Меня несколько смутило, что все, что он собрался взять в дорогу, – это новые мокасины и пара джемперов. Я предложила оставить дома его часы Tag Heuer, вручила вместо них Swatch, после чего мы направились в универмаг Blacks за водонепроницаемой одеждой и носками. Джем вырос в глубинке – деревеньке Кобэм, графство Суррей, и для него в диковинку были любые сумки не на колесиках, поэтому я знала, что и путешествие в итоге окажется крайне любопытным. В то утро я в последний момент рванула в Stanfords в Ковент-Гарден за новым блокнотом в дорогу. Уже в поезде я раскрыла его, ощутив при этом новизну кожи, чтобы задокументировать старт поездки в нашем первом по счету поезде. Выглянув в окно, я увидела, что поезд приближается к Евротоннелю, и глубоко вздохнула; мы въехали в тоннель, и Англия скрылась из вида.

Как выяснилось, долгосрочные проездные билеты Eurail оказались идеальны для людей, которые любят планировать и кому чужда спонтанность, для тех, кто любит знать заранее, где и во сколько будет ужинать, на 90 дней наперед. Я не принадлежу к этой категории и потому вскоре обнаружила, что проездной на месяц – не самый лучший вариант. Конечно, для определенных загодя маршрутов он неплохо подходил и окупался за 5–6 поездок. Но для людей вроде нас, кто собирался, проснувшись в Париже, ехать на ланч в Барселону, выгодным его назвать было нельзя. За каждое бронирование пришлось также

платить дополнительный, административный или еще какой-то сбор, не говоря уже о плате за отмены, и в итоге я провела всю первую неделю в Европе, стоя в очередях для возврата денег.

Пока я заполняла формы и перемещалась от одной стойки к другой, Джем не терял времени зря: составил список достопримечательностей и городов, которые он хотел бы посетить, и вручил его мне за ланчем в кафе в квартале Марэ.

- Дом Гауди... Валенсия... Лурд? Серьезно? - удивленно поинтересовалась я, в то время как официант сервировал стол бумажными подложками, графином с водой и корзинкой со свежее испеченным нарезанным багетом.

- Да, - ответил Джем, с трудом пытаюсь намазать твердый кусок масла на хлеб.

- Но ты же даже не верующий.

- Знаю, просто мне любопытно. Вот так в детстве слышишь о каких-то местах и представляешь их по-своему, а потом всю жизнь хочешь узнать, как же на самом деле выглядит Лурд.

Во время еды и легкой беседы я оглядывала кафе с возрастающим восхищением - насколько же французы чтят приемы пищи и следуют традициям. За бокалами вина, разливаемого из кувшинов, они разламывали хлеб, макали его в соус, лакомились крем-брюле, отпивая темный ароматный кофе, - словом, неспешно проводили обеденное время так, будто это субботний день, а не середина рабочей недели. Ощущение было такое, словно никому из присутствующих не надо возвращаться на работу, почти все могли похвастаться идеальным маникюром и ровным загаром, женщины выглядели безупречно, многие посетители были с ухоженными собаками. Наслаждаясь хрустящим утиным конфи, я подумала, что действительно можно заехать в Лурд и приобщиться к религии.

После ланча мы сели на поезд до Лиможа, откуда мы планировали держать путь в Клермон-Ферран, а затем в Безье - там была одна из самых длинных однопутных железных дорог, проходящих по территории Франции, известная своими видами на горный Центральный массив. Ожидая пересадку в Лиможе, мы выпили колы, прогулялись по практически пустому и прохладному вокзалу,

тишину которого нарушало лишь поскрипывание подошв нашей обуви, и с восхищением осмотрели его куполообразную крышу, украшенную скульптурами полунагих кариатид. Увитые виноградными лозами, дубовыми листьями и желудями, в венках на головах, они аллегорически представляли провинции Лимузен, Бретань, Гасконь и Турень, которые обслуживает этот вокзал. Гирлянды дубовых листьев змеятся к куполу, увенчанному круглым витражом. Вокзал показался нам настоящей архитектурной жемчужиной, невероятной для обычного провинциального города. Мы решили выйти за его пределы, чтобы полюбоваться им снаружи и получше разглядеть крышу. Местечко нашлось у фонтана рядом с дорогой, оттуда открывался прекрасный вид на здание в стиле ар-деко и часовую башню. Впоследствии мы увидели много вокзалов, но с уверенностью можно сказать, что Бенедиктинский вокзал в Лиможе, наша случайная интуитивная находка, – один из самых красивых.

Французские поезда TGV – Trains ? Grande Vitesse[1 - Trains ? Grande Vitesse – «скоростные поезда» (фр.).] – совершили революцию в железнодорожных поездках по Европе, изменив привычные реалии и для регулярно путешествующих пассажиров, и для бездельников вроде нас, чье единственное желание – поглазеть на виды из окна – теперь было почти неисполнимым, ведь высокая скорость движения почти не позволяла что-то разглядеть. На медленных поездах из Лиможа в Клермон-Феран и из Клермон-Ферана в Безье пассажиров было довольно мало, большинство из них жаловались на жару, засыпали, разморенные ею, и покидали вагоны уже через пару часов, оставляя нас практически в одиночестве.

– Только подумай, сколько они упускают, – сказал Джем, когда мы проезжали ущелье, где внизу, в реке, дети катались на надувных лодках и спрыгивали с известняковых валунов в воду. Когда мы проезжали мост, они прекратили свои веселые игры и стали размахивать веслами, приветствуя нас. В течение следующих трех часов мы ползли по чаще дремучих лесов, где встречались журчащие и переливающиеся серебром ручьи. Окна были открыты, и вагон стал наполняться ароматом свежей сосны по мере движения на юг, к Безье. Телефон Джема тренькнул, и он взглянул на экран.

– Прямо сейчас у меня должно было быть еженедельное совещание, – произнес он и откинулся обратно на сиденье, закрыв глаза и чуть улыбнувшись.

Из Безье, с пересадкой в Тулузе, мы добрались до Лурда как раз к вечернему крестному ходу. Пройдя вниз по холму, мы влились в море паломников,

направлявшихся в грот Масабьель. Я ожидала попасть в тихий городок, в котором из жителей – только несколько монашек, а оказалась в шумной толпе, напоминающей те, что обычно с гвалтом покидают футбольные матчи. Битком набитый пиццериями, кебабными и барами с неоновой подсветкой, Лурд можно назвать городом-курортом, чтящим христианские традиции. Сувенирные магазины с названиями вроде «Господня благодать» и «Секрет Марии» выстроились вдоль тротуаров, стараясь перецеголять друг друга разнообразием товаров: кружки, вееры, зажигалки в виде Иисуса Христа и другие безделушки. Джем бродил по ним в полном недоумении и тут указал мне на возвышающуюся над нами светящуюся статую Девы Марии.

– Представь, каково это – наткнуться на нее в крошечной темноте среди ночи.

– Не желаешь ли, чтобы твой автомобиль благоухал как Папа Римский? – в ответ поинтересовалась я, наткнувшись на целую коллекцию автомобильных освежителей воздуха, которые, судя по надписям, предлагали ароматы разных святых.

– И как пахнет Жанна Д'Арк? Углем?

Каждый из этих религиозных супермаркетов был до отказа забит почтовыми открытками, четками, снежными шарами, картинками, ладаном и бутылочками со святой водой – при этом цены все увеличивались по мере приближения к гроту.

В толпе крестного хода были дети в инвалидных колясках, которых везли родители. Это зрелище ввело меня в легкое уныние. Когда-то я считала себя индуисткой, но для того, чтобы считать себя верующей, мне не приходилось прикладывать много усилий – просто есть бурфи^[2] – Бурфи – десерт из уваренного сгущенного молока в индийской кухне.] и бирияни^[3] – Бирияни – традиционное блюдо индийской кухни на основе риса с добавлением овощей, мяса или рыбы и различных специй.] на религиозных фестивалях. Мне нравилось жить с мыслью, что существует нечто внеземное, контролирующее все сущее на земле. Иногда я произносила молитвы: перед сном, в часовне или на одной из скамеек в заднем ряду приходской церкви Дауншир Хилл святого Джона в Хэмпстеде в будний день. И все же после моего путешествия по Индии в компании неистового атеиста я начала сомневаться в существовании высшей силы и необходимости присутствия религии в моей жизни как таковой. Я обращала внимание на то, как представители духовенства эксплуатируют бедных и уязвимых, священники забирают у людей последнее, а слепая вера

доводит до полного разочарования. К концу путешествия я пришла к выводу, что существование бога противоречит всякой логике и не имеет разумного обоснования и что я больше не испытываю необходимости в религии. Впервые в жизни я почувствовала себя свободной, а уровень осознанности повысился в разы – больше я не молилась и не верила в бога. И теперь, наблюдая за больными среди паломников, несущими дорогие свечи и канистры для того, чтобы наполнить их святой водой, я поняла, что не зря сделала свой выбор. Даже осознание того, что сам процесс оказывает благостный эффект на людей, не шло ни в какое сравнение с тем фактом, что кто-то на этом так или иначе наживается – и это я принять никак не могла. Тем не менее буквально в последнюю минуту я купила маленькую бутылочку с золотой крышкой в виде цветка, чтобы набрать воды и сохранить ее в качестве сувенира.

Прибыв к воротам санктуария, мы с Джемом отошли в сторону, уступив дорогу людям на каталках, которых везли из хосписа неподалеку, закутанных в пледы, чтобы они не замерзли в прохладный вечер. Небо потемнело, и только над Базиликой Пресвятой Девы Марии, возвышавшейся над тысячами паломников, читающих молитвы, со свечами в руках, еще сохранялось насыщенное предзакатное фиолетовое зарево. Мы улучили момент и присоединились к очереди в Грот, на пути нам встретился человек, наполнявший чемодан пластиковыми бочонками со святой водой. Молча мы прошли сквозь пещеру, тишину в которой нарушали только звуки воды, эхом разносившиеся вокруг. По каменной стене струились ручейки, стекая к ногам статуи Богородицы. Паломники позади нас в нетерпении тянули руки над моей головой, чтобы прикоснуться к холодной поверхности, а затем касались своих шей, их губы беззвучно шевелились в молитве. На пути наружу я остановилась, чтобы наполнить припасенную бутылочку водой, туго завернула крышку и положила ее в карман. Тут я заметила, что Джем рассеянно бродит среди каменных сводов.

– Я бы хотел поставить свечку за своего отца, – сказал он. Мы выбрали длинную и тонкую золотую свечу и поставили ее вместе, наблюдая за тем, как ее пламя колыхается на ветру, а затем отправились наружу, где оказались на оживленной улице, куда переместились все участники крестного хода, и продолжили свой путь. Несмотря на обуревавшие меня противоречивые чувства, я поразились спокойствию, которое снизошло на нас после того, как мы покинули Грот.

Как-то раз, в воскресенье, 15-летний Джем натирал до блеска отцовскую обувь для церкви – это был еженедельный ритуал, – как вдруг заметил, что того резко бросило в пот. Это был холодный январский день, поэтому Джем сразу понял,

что происходит что-то не то. Уже через несколько минут его отец повалился набок, на подлокотник дивана, прижимая руки к груди, и вскоре в изнеможении сполз на пол. Это был инфаркт. Джем беспомощно наблюдал за тем, как на его глазах умирает отец, которому было всего 44 года. Потеря родителя в столь раннем возрасте, когда только начинает происходить становление человека, коренным образом изменило его отношение к жизни. Предположения, что смерть отца – это божья воля, его оскорбляли, и он отвергал любые попытки привязать религиозную аргументацию к этому ужасному событию. Вместо этого он пообещал себе, что будет проживать каждый день своей жизни на полную катушку, не позволяя деньгам и карьере мешать времяпровождению с близкими и друзьями.

Следующие две недели прошли словно в тумане, мы сменяли один высокоскоростной поезд на другой. Покинув Лурд, мы направились в Тулузу, а оттуда в Барселону, затем рванули в Мадрид, заехали в Валенсию, после чего по побережью вернулись в Барселону. Пересекли юг Франции и Монако и, чтобы отдохнуть, приехали в Италию. Проездной позволял нам посетить 28 стран – практически по одной стране на каждый день, что мы находились в Европе, – но посвятить большее количество времени какой-то одной из стран было непозволительной роскошью. Мы сузили список до старых добрых проверенных мест и предпочли заезжать в те города, которые в первую очередь могли предложить отличную кухню и неплохое вино, а еще лучше – прекрасные пляжи. А вот сами поезда стали разочарованием. Никто не разговаривал друг с другом, все просто спали, и одна поездка ничем не отличалась от другой. Заметно пунктуальные и удобные европейские поезда служат только одной цели – довезти пассажиров из пункта А в пункт Б и не предлагают ничего интересного и примечательного в дороге. Таким образом, вместо длинных романтических переездов мы получили короткие и довольно скучные доставки себя и багажа из города в город. Пока что приключения, на которые мы рассчитывали, так и не начинались.

Сидя в кафе в Милане, я изучала список поездов, на которых нам довелось проехаться. Стоило мне наклониться к блокноту, чтобы что-то написать, меня тут же отвлекал шум пронесившихся мимо мопедов, смех проходящих по брусчатке девушек с ногами буквально от ушей, в босоножках и сарафанах, и создавалось ощущение, что мы попали в рекламный ролик «Диор».

– Это я должен на них заглядываться, а не ты, – сказал Джем, прижимая кружку пива к щеке.

– Ничего не могу с собой поделаться: итальянские кафе созданы для того, чтобы заглядываться. Все пьют, а ты сидишь за столиком снаружи, спиной к ресторану, и не остается ничего другого, кроме как смотреть на симпатичных девушек в красивых платьях. И все же не думай, что очки-хамелеоны кого-то обманывают и могут скрыть твой к ним интерес. Я вижу, как ты на них смотришь.

Джем выглядел расстроенным:

– Не шути над моими очками.

– Ты знаешь, мы уже прокатились на 15 поездах.

– По ощущениям, их было гораздо больше, – сказал Джем, предлагая мне кусочек дыни, обернутый в сладкую пармскую ветчину.

– Я подозреваю, что мы потратили большую часть семимесячного бюджета на бронирования и комиссии, – сказала я, наблюдая за тем, как владелец ресторана целует двух завсегдатаев в щеки. Итальянское агентство в Риме отказалось менять нам билеты, забронированные двумя днями ранее в испанском агентстве в Валенсии. При этом и те и другие утверждали, что ответственна за отмену ненужных нам билетов вторая сторона, а возмещение можно получить только по почте и при уплате комиссии. Мне велели встать в одну очередь, затем в другую – где можно было получить возмещение за купленные заранее билеты, и тут я сдалась – на что, очевидно, и рассчитывали оба агентства. Я поняла, что пришло время уезжать из Европы, пока мы еще не потеряли желание жить.

– Не забудь, что нам нужно забрать вещи из прачечной, – напомнил мне Джем, когда мы шли после ланча обратно к отелю.

Ландромат[4 - Ландромат – стиральная машина в прачечной самообслуживания.] радостно издал сигнал окончания стирки как раз в то время, когда мы пришли забирать свои вещи. В прачечной стоял сильный запах стирального порошка, из-за работающих сушилок температура внутри была очень высокой, и я почти моментально вспотела. Виттория, работница прачечной, стояла с утюгом в руках. Когда мы подошли, она помахала нам и, надев очки и взглянув в свои записи, она выдала нам упакованные в пластиковый пакет вещи. Виттория не знала ни слова по-английски, а мы и не говорили по-английски, однако комбинация жестов и веры в себя помогла нам объяснить, что все вещи можно

постирать в одной стиральной машине, и, судя по виду вещей, она это уяснила и сделала все так, как надо. Осматривая одежду, я ждала, пока она посчитает общую стоимость на калькуляторе. Джем стоял рядом, руки в карманах, и, когда Виттория развернула к нам калькулятор и сняла очки, теперь висевшие на цепочке в районе груди, передал мне купюру в 20 евро. На табло калькулятора была сумма в 109 евро. По моей коже побежали мурашки ужаса, а кончики ушей начали гореть. Глядя на Витторию и не в состоянии произнести ни слова, я застыла в недоумении. Она посмотрела на подсчеты и рассмеялась, качая головой. Я вздохнула с облегчением, повернулась к Джему и одними губами произнесла: «Она просто забыла про запятую».

Вот только она не забыла.

Виттория забыла добавить 9 евро за пару трико, и общий счет теперь был равен 118 евро.

В панике я обратилась к Джему:

– Она хочет получить 118 евро за наши вещи.

– Быть такого не может.

– Я не собираюсь платить такую сумму за стирку кучки вещей в дурацкой стиральной машине.

Виттория показала листок, на котором был список наших вещей: 8 футболок, две пары джинсов, три хлопковых платья, четыре пары носков, стопка нижнего белья и кардиган, на котором теперь не хватало одной пуговицы, – напротив каждой позиции стояли цены, при этом сам лист бумаги принадлежал расположенному неподалеку пятизвездочному отелю. Я сделала отрицающий жест пальцем и покачала головой: «Нет, не платим».

Она достала телефон и начала наговаривать текст в приложение «Google переводчик», на экране которого появилось: «Какие у вас пожелания?»

– Скажи ей, что мы желаем спалить это место, где обворовывают...

- Ш-ш-ш, спокойствие, - сказала я Джему.

- Я не позволю этой женщине обворовать нас. Скажи ей, что она может оставить вещи себе. По-моему, дешевле будет купить новые в H&M.

- На самом деле нам дешевле слетать домой, чем заплатить эту сумму.

Джем взял у Виттории телефон и произнес в него: «Мы не будем за это платить».

Она прослушала записанное им сообщение и поморщилась. Затем рассмеялась и пожала плечами, как умеют только итальянцы, чем сразу же вызвала мой гнев, а затем ввела новое число на калькуляторе, скостив 20 евро от первоначальной стоимости.

- Мы не будем платить. Вы нас обманываете.

Виттория прослушала зачитываемое безжизненным голосом сообщение, ухмыльнулась, вскинула обе руки вверх, а затем заговорила.

- По дороге вниз вы найдете банкомат.

Все это напоминало странную пассивно-агрессивную ссору робота С-ЗРО со Стивеном Хокингом, никогда прежде мне не доводилось участвовать ни в чем подобном. Виттория постучала пальцем по наручным часам - она явно не собиралась уступить, - а прачечная должна была вот-вот закрыться. Предложив скидку еще в 10 евро и получив отказ, она убрала наши вещи с видного места, и в этот момент я уже готова была взорваться, ведь она явно пользовалась ситуацией и тем фактом, что мы не говорили по-итальянски. Мне было чертовски жарко из-за работающих сушилок, а в дополнение к ним злость изнутри разогрела меня еще больше. Я вытащила Джема на улицу и направилась на поиски банкомата.

- Нам придется заплатить, иначе она не отдаст наши вещи.

- Хорошо, но я вернусь сюда после наступления темноты и закину ей в окно кирпич.

После эпизода с прачечной выделенный на Европу бюджет был существенно подорван, и у нас не осталось выбора, кроме как, покинув Италию, молниеносно пронестись по Швейцарии и Германии и быстро пересечь территорию Литвы и Латвии, где в Риге мы должны были сесть на поезд до Москвы. В поезде из Милана в Цюрих моим соседом оказался импозантный мужчина, с ног до головы одетый в черное и распивающий вино. Стояла середина июня, а на нем были черная футболка и черные брюки свободного кроя. Его образ дополняла седая борода и темные глаза – он словно олицетворял собой фильмы в стиле «нуар». Я несколько раз поднимала на него взгляд, и довольно скоро мне стало понятно, что он с неприкрытым интересом слушает наши разговоры о России. Марк был из Стоук Ньютингтона и держал путь на съемки истории для журнала Sunday Times Style.

– Так, значит, вы едете в Москву? – Тон его голоса почему-то не внушал никаких надежд на лучшее.

– Да, мы там никогда не были. А вы?

– Ха! – Марк закинул голову назад и рассмеялся, складывая руки на груди. – Я не был там с 1987 года, с тех пор как ездил туда со своими одноклассниками, с которыми мы изучали кинематографическое искусство. – Его слегка передернуло. – Студенты-историки тоже поехали, и две наши группы ненавидели друг друга. Это была отвратительная поездка. Кроме того, меня преследовали двое мальчишек, шпана, после того как их арестовали прямо в нашей комнате.

– Что-что? Как они оказались в вашей комнате?

– Эти два мальчика появились из ниоткуда и спросили, не хотим ли мы что-то купить: флажки, шампанское, меховые шапки, – в общем все, что продается из-под полы. – Марк вылил остатки вина в свой бокал и потряс бутылку, чтобы осушить ее до последней капли. – Ну и вот, я и мой приятель Андрэ решили устроить вечеринку у нас в комнате, спонтанный базар той военной униформы, что эти двое притащили с собой и сказали, что поделятся с нами выручкой. Наши одноклассники скупили тонны одежды. А потом нас накрыла полиция, и ребятам пришлось дать деру, а все оставленные вещи мы спрятали в чемоданы.

– Да уж, дела.

– Мы вернули им вещи после того, как три дня подряд они преследовали нас по всей Москве, пытаюсь поймать на улице и ошиваясь у отеля.

– Мы едем в Москву ненадолго, – сказал Джем, – всего пара дней до того, как по Трансмонгольской железной дороге отправимся в Пекин, а рейсы туда стартуют только в определенные дни недели.

– Должно быть не так плохо, – сказал Марк, сузив глаза. – Русские, конечно, не слишком-то приветливы по отношению к людям вашего, эм...

– Цвета? – быстро сориентировалась я.

– Именно, – ответил Марк с облегчением.

– Вы не первый, кто нам это говорит, – произнес Джем.

Мать Джема – малайзийка, а отец – наполовину шотландец, наполовину литовец. Тем не менее именно малайзийские гены выиграли в этом своеобразном споре, и в итоге Джем получился таким же черноволосым и кареглазым, как и я.

– Впрочем, кто знает, все меняется, – сказал Марк. – Нам довелось проехаться на поезде из Москвы в Ленинград. Это было то еще приключение. Я впал в настоящую депрессию, пока ехал, лежа на своей полке и слушая, как веселятся в купе за стенкой: там был мальчик, который мне нравился. Всю неделю у меня было плохое настроение, я долго стенал и страдал, утверждая, что по уши в него влюблен, а он переспал с девушкой. Я помню, как лежал там в своем кашемировом пальто, съдаемый неразделенной любовью. Бог мой, ту поездку мне точно не забыть. – Марк закрыл лицо руками, и весь мой энтузиазм от предстоящего посещения России растворился, словно его и не было. – Я помню те жалкие маленькие пакетики с вареными яйцами и всяким разным другим, что мы покупали на вокзале. Нам казалось, что мы так и умрем от недоедания, и единственное, что спасло нас от голода, – это разнообразие печенья, которое взяла с собой моя подруга Кери. Мне казалось, что все детали уже выветрились из памяти, но сейчас я вспомнил, что у нас еще был апельсин, и каждый получил по дольке.

– А что же, в самом поезде еда была настолько плоха? – спросила я.

– Черный хлеб и яичница с огромным количеством масла. Так что закупайтесь едой заранее. Я помню, как Кери шлепнула меня по руке, когда я потянулся к крекерам Peek Freans, и вскрикнула: «Стой! Мы можем съесть только по маленькой порции за раз!» – Марк откинулся на кресло и взглянул в окно. – Еще я помню, как отправил весточку отцу домой, чтобы тот встретил меня в аэропорту с бутылкой воды Perrier и свежавыжатым апельсиновым соком, ведь ни того ни другого в России мне найти не удалось. Я до сих пор не могу пить персиковый сок, так как это было единственное, что можно было раздобыть в ту длинную, длинную неделю. Хотя нельзя не отметить, что домой я вернулся с роскошной шапкой из кроличьего меха.

От мысли о пребывании в поезде в течение пяти дней, где из еды будет только черный хлеб, яйца и крекеры, а из питья – персиковый сок, меня затошнило, и я отметила про себя, что нужно будет основательно затариться перед тем, как сесть в Трансмонгольский поезд.

– Особенно надолго в моей памяти осталось то, насколько депрессивной показалась мне Москва. Насколько я понимаю, этот город и по сей день остается таким. С тех пор я уже не смог заставить себя вернуться туда еще раз. Студенты-историки написали о ней статью, и она заняла целый лист в Daily Mail. У меня где-то сохранилась эта газета.

Несколько дней спустя Джем и я лежали в кромешной темноте в грохочущем поезде из Риги в Москву, словно две дохлые рыбы. Задрав одеяло до самого подбородка, я пристально вглядывалась в полку над собой, где спал крупный, крепкий мужчина, а его ручки свисали с края. Размером одна рука была с мое бедро. С ужасом наблюдая за тем, как от движения поезда она мерно покачивалась, я начала испытывать настоящий страх перед временем, которое нам предстояло провести в Москве, и молилась только о том, чтобы Марк оказался не прав. Все-таки он не был в этом городе больше 30 лет, и с тех пор он должен был существенно измениться.

Ни я, ни Джем не спали, предчувствуя скорое прибытие на границу – нас ожидало прохождение таможни и проверка паспортов, но мы лежали молча, ведь ни один из нас не хотел разбудить соседа по купе. По ощущениям, поезд замедлял свой ход целую вечность, пока наконец, скрипя и вибрируя, не прибыл на станцию. Тут же послышались приглушенные голоса и шаги, и в окно посветили фонариком. Затем раздался женский вскрик, и в купе ворвалась немецкая овчарка, еле сдерживаемая пограничником на поводке, и начала

обнюхивать поочередно то мою полку, то Джема. Джем прижался к стене, его одеяло сползло на пол. Мне посветили фонарем в глаза и сказали что-то, что я совсем не поняла. Мы передали свои паспорта и сидели смиренно, как два пса на цепи, пока к купе не подошел еще один человек. Он остановился около нас и жестами велел встать. Сбросив постельные принадлежности на пол, он поднял наши полки и стал копаться в багажных отделениях под ними, где лежали наши сумки, а после этого разрешил сесть. Возвращая наши паспорта, пограничник окинул нас долгим взглядом на прощание, притянул к себе собаку и отправился в другое купе.

- Мы единственные, кого они досматривали, - прошептал Джем.

- Мы единственные не белые в этом поезде, - шепотом ответила я.

Руки Джема были холодными как лед. Он ненавидел собак, и, хотя я их обожала, даже я чувствовала, как все похолодело внутри, а в носу оставался запах собачьей слюны. Когда поезд с пронзительным скрипом тронулся и продолжил движение в сторону России, храп на верхней полке стал мерным и глубоким, я повернулась на бок и наконец позволила себе уснуть. Мы хотели приключений, и уже было понятно, что они вот-вот начнутся.

Глава 2

Мир тесен

Граффити в транспорте – нередкое дело в Москве. Больше всего их, как правило, в пригородных электричках и поездах метро, а особенно – в новых вагонах, которые только пошли в ход. Чтобы рисовать в поездах, требуется опыт, скорость и железные нервы: существует большой риск быть арестованным, но всплески адреналина и уважение со стороны других уличных художников только подпитывают это желание. Планирование играет немаловажную роль. Уличные художники знают расписание рейдов полиции, электричек, а на досуге изучают места, где можно будет спрятаться на случай, если придется убежать от погони. Как-то раз мы увидели художников в действии, на пути из Кубинки в Москву. Когда поезд отъехал от остановки, по вагону пронеслись мужчины в масках, ловкие и быстрые, как ниндзя. Они трясли баллончиками, затем раздалось

характерное шипение и запахло свежей краской. Все это произошло за считанные секунды, и прежде чем мы в полной мере осознали, что происходит, в вагоне уже были охранники, которые погнались за группой в масках. Однако дело было сделано – вагон весь был покрыт неоновыми буквами с черной окантовкой.

Сообщество российских художников граффити с каждым годом все только растет, многие из них с помощью рисунков выражают свое инакомыслие. Органы государственной власти заботятся о том, чтобы подобные рисунки исчезали как можно быстрее, что, как ни странно, делает это занятие еще более привлекательным, и многие художники воспринимают вагоны электричек как свои персональные мобильные галереи, с гордостью наблюдая за тем, как их творчество курсирует по всему городу. Обилие граффити в поездах, которое мы встречали по всей стране, неумолимо портило мне настроение. Время от времени встречались удачные и даже красивые рисунки, но в основном это был обычный вандализм, как правило, еще и с ярким женоненавистническим оттенком – вариация на тему нацарапанных на школьных партах надписей и пошлых рисунков, только делали это не школьники, а вполне взрослые люди. Пока мы ждали, как поезд снова тронется, рядом с агрессивным и ярким граффити «Блядь» я заметила приписку UTOP, которая уже встречалась нам в других поездах. Мне стало интересно, название ли это политического движения или еще одно сленговое слово для обозначения падших женщин, и, зайдя в интернет, я нашла двухминутный видеоклип о команде UTOP, в котором его участники, используя инструменты и резаки по металлу, сняли решетку и проникли в тоннель метро. За ночь они раскрасили целый вагон в оранжевый цвет, а поверх аккуратным и крупным шрифтом написали название своей группировки, добавив к нему рисунок пары глаз, с интересом выглядывающих из стилизованной прорези. Они не только задокументировали весь процесс вандализма, но и позаботились о том, чтобы один из участников UTOP оказался на платформе в момент прибытия поезда во всей его новообретенной красе. Учитывая возможные последствия и наказание, которое за подобные деяния полагается от властей, – это был впечатляющий трюк.

В то утро мы сели в электричку до Кубинки, чтобы посетить парк «Патриот», созданный в 2014 году и открывшийся для посещения годом позже. Прозванный «военным диснейлендом», он начал принимать посетителей всего пару дней назад, о нем рассказывали в новостях по всему миру, показывали видеосъемку того, как дети карабкаются на танки и снаряды. Нам показалось, что парк идеально подходит для того, чтобы провести там пару часов, поэтому на метро мы добрались до Белорусского вокзала, зеленого королевства куполов и шпилей, и запрыгнули в электричку буквально за пару секунд до ее отбытия. Мы сразу

же поняли, что поездка будет интересной: изнутри вагон напоминал старый школьный автобус, сиденья оказались очень жесткими, а лица людей выглядели не слишком веселыми. Казалось, что проржавело здесь все, даже сама ржавчина. Нам бы стоило отказаться от этой поездки, но ведь самой целью путешествия было делать то, чего мы не делали в обычной жизни, поэтому, будучи фаталистом, я поудобнее устроилась на сиденье, когда электричка тронулась с места. В течение следующего часа из окна мы наблюдали невыносимые виды нищего существования: проезжали мимо бомжей, полуголодных на вид детей и самодельных домиков, покрытых пластиком. Я не была уверена, кто эти люди, русские или беженцы из Украины, приехавшие сюда в поисках укрытия от происходившего в Донецке и Луганске. Глубже усевшись в кресло, я осознала, насколько меняется картина мира по мере удаления от Москвы.

Жизнь не была добра к людям в нашем вагоне с натруженными изнурительной работой руками и обувью, совсем не подходящей для дождливой погоды. Бесцветные глаза и бескровные лица – они не просто поглядывали, а пристально следили за нами. На сложенных на груди руках – позеленевшие от времени татуировки; на губах безо всякой тени улыбки – болячки. Я вжалась в угол, смотрела в окно, стараясь не встречаться с ними взглядом, и думала о том, что нам не стоило покидать столицу. В течение следующих полутора часов набитый до отказа вагон опустел, в нем остались только двое мужчин и старушка. Одетые в жилеты и комбинезоны мужчины каждые несколько минут оборачивались на нас, накачанные руки внушали страх.

– Может, нам пересесть в другой вагон? – спросил Джем.

– Может быть. Я молюсь о том, чтобы они вышли раньше нас.

– По крайней мере, старая леди все еще здесь. Они не станут ничего делать, пока она сидит за нами.

Я обернулась, чтобы взглянуть на нее:

– Она не двигается уже полтора часа и выглядит не очень опрятно.

Поезд замедлил ход, и я с облегчением увидела, что мы приближаемся к станции Кубинка. Ударившись головой о сиденье перед собой, женщина

проснулась и начала сыпать проклятиями, вокруг ее ступней образовалась лужа из мочи. Мужчины теперь стали меньшим из зол, но, когда они поравнялись с нами на платформе, один из них смачно харкнул мне прямо под ноги.

– Зачем мы сюда приехали? Давай вернемся обратно в Москву, – сказала я, переминаясь с ноги на ногу.

– Мы проделали этот путь не зря, давай отыщем парк, заглянем туда и поедем назад. Мы можем добраться в Москву на Uber, если хочешь.

Казалось, никто из местных не знал, о каком парке «Патриот» шла речь. Хотя нам заранее перевели название на русский и даже записали его на кириллице, мы встретили только полное безразличие, а то и открытое неприятие на своем пути. Нам не удавалось даже найти такси, пока один водитель не усадил нас на заднее сиденье своего автомобиля и не помчался к шоссе.

– А это точно такси? – спросил Джем в поисках ремня безопасности.

– Здесь нет счетчика.

– Мне страшно спрашивать.

Казалось, водитель знает, что делает и куда нас везет: он выехал с привокзальной территории и отправился на шоссе, где уверенно маневрировал среди грузовиков и траков, прежде чем обернулся и начал задавать вопросы на русском. У нас не было подручных инструментов для перевода, кроме единственного бесплатного приложения, скачанного на айфон, и Джем пытался держать телефон непосредственно около уха водителя. Схватив телефон своей похожей на лапу рукой, он свернул на дорогу, которая вела к огромной парковке.

– Приехали. Парк «Патриот», – произнес он, резко ударив по тормозам.

Там не было ничего, кроме выставочного центра и пары танков. Из динамиков звучала бодрая мелодия.

– Но это не может быть им. Здесь же ничего нет.

- Парк «Патриот», - повторил он, ударяя по рулю рукой и четко произнося каждый слог. Он распахнул дверь и вышел из машины, словно собирался что-то уточнить по этому поводу, а затем скрылся в розовом биотуалете.

- Ну что, забудем на эту идею и поедем обратно на вокзал?

- Пожалуй, это самая разумная мысль.

Вернулся водитель, он вытер руки о свою рубашку и, отъехав от бордюра, начал нарезать круги по парковке. Джем, используя приложение на телефоне, обратился к нему, чтобы тот отвез нас обратно на станцию.

- Электришн? - спросил тот.

- Нет. Станция. Поезд, - ответил Джем, изображая руками кругообразное движение руля.

- Электришн? - закричал водитель, багровея прямо на наших глазах.

Джем повернулся ко мне:

- Почему он говорит об электрике?

- Я не имею ни малейшего понятия, давай просто вернемся на станцию.

Водитель поднял палец и утвердительно закивал, похоже, он наконец понял, что мы от него хотели, он выехал с парковки и вернулся на шоссе, Джем тем временем накидывал обратно свой ремень безопасности:

- Что на нем за странный пришитый кусок? Кажется, будто его...

- Отрезала «Скорая помощь»?

- Точно, так я и подумал.

Наш водитель старался обогнать все автомобили в зоне своей видимости, затем пересек три полосы за раз, задел бампер какой-то «Лады» и наконец выехал на объездную дорогу.

- Он нас точно убьет, - сказал Джем.

- Постой-ка, но мы не так приехали в эту сторону.

По грунтовой дороге, окруженной полями, наш водитель, как выяснилось, вез нас в Танковый музей Кубинки. Как только наше такси подъехало к зданию, мы опустили окна и увидели мальчишку-подростка с голым торсом, сидящего на стуле, пока ему брили голову. Пара девчонок продавала магниты на холодильник с изображением Сталина и Ленина.

- Так, а теперь нам нужно вернуться обратно на станцию, - сказала я.

- Электришн?

- Почему он продолжает говорить об электрике?

- Я понятия не имею, но продолжай изображать поезд жестами, и, может быть, в итоге он поймет.

Ворча себе что-то под нос, водитель развернулся и почти сбил маленькую девочку на велосипеде, затем быстро помчался на станцию и, доехав, остановился у торговой палатки, задев одну из ее опор. Когда владелец палатки постучал в окно, он отъехал с еле скрываемой яростью. Затем он заблокировал все двери и жестами показал «2».

- Боже, он хочет две тысячи рублей.

- Даже если придется дать ему три, но при этом мы выберемся целыми и невредимыми, - это уже успех!

Джем отсчитал банкноты и добавил 500 рублей сверху, замки тут же открылись. За владельцем палатки, который распахивал переднюю пассажирскую дверь, уже столпилась толпа зевак. Мы ловко выскочили из автомобиля и побежали к

платформе, у которой уже стоял в ожидании поезд на Москву.

В тот вечер, мы, сидя в кровати, читали все, что смогли найти о нашумевшем открытии парка «Патриот». Парк еще продолжали достраивать, и на данный момент его использовали для проведения конференций и выставок; все видео, которые показывали в новостях, были сняты на выставке «Армия-2015», на ней демонстрировались новинки оружия и боевой техники. Тем не менее в процессе поиска нам удалось набрести на такое объявление на сайте Танкового музея Кубинки:

«Сложная система местных железных дорог и недостаточное количество указателей приводят к тому, что туристы, не знающие русского языка, могут оказаться в совершенно незнакомом для себя месте в отдалении от Москвы. Нахождение без сопровождающих на платформах ж/д вокзалов и в вагонах электричек может оказаться небезопасным. Особую осторожность следует проявлять туристам из Китая, Малайзии, Японии. Все иностранцы могут стать легкой мишенью для преступников. Для обеспечения собственной безопасности следует находиться в компании русскоговорящего сопровождающего или путешествовать на автомобиле с англоговорящим водителем (или гидом)».

Джем уставился на меня.

- Иностранцы часто становятся жертвами преступлений?

- Я думаю, это значит, что иностранцы – легкая мишень.

- Ты не могла найти эту статью до того, как мы сюда приехали?

- Ты только наполовину малайзиец.

- А, так значит, у нас была всего половина шансов стать жертвами преступления на расистской почве.

- Ха! Оказывается, он говорил не «электришн», а «электричка», так называется поезд пригородного направления.

- Не меняй тему.

– Я и не меняю. В любом случае не стоит об этом беспокоиться, завтра мы уедем отсюда. Транссибирский поезд очень знаменитый, там должно быть полно иностранцев.

– Вы первые англоговорящие люди, которых я встречаю в этом поезде, – сказал Александр. – Первые англоговорящие люди, которых он когда-либо встречал в этом поезде, – продолжал он, указывая на своего соседа, чье имя также было Александр.

Днем мы уже были в Транссибирском поезде, который можно считать крестным отцом среди поездов. Строго говоря, это не совсем поезд, а маршрут, охватывающий 9000 километров от Москвы до Владивостока. Поездку на нем можно часто встретить среди вещей, которые рекомендуют испытать в этой жизни, и это является своеобразным эталоном для любителей путешествий по железным дорогам. Стоит только сказать, что вы еще не ездили на нем, даже если обязательно собираетесь это сделать, – и фанаты железных дорог тут же спишут вас со счетов. На самом деле путешествие наше пролегло по Трансмонгольскому маршруту, который проходит через Улан-Батор, столицу Монголии, и оканчивается в Пекине. Длинная поездка до самого Владивостока не имела никакой практической ценности, кроме того, что по факту ее осуществления можно было всем об этом рассказывать. Во Владивостоке нас не манило ровным счетом ничего, а доехать туда, чтобы развернуться и отправиться обратно, точно не было хорошей идеей. С другой стороны, Трансмонгольский поезд открывал для нас массу возможностей с точки зрения интересного путешествия, ведь на нем мы могли увидеть гораздо больше, чем просто вереницу православных церквей во время поездки по краю мира. Мы уже испытали неопишуемый восторг при виде куполов храма Василия Блаженного на Красной площади, которые напомнили о Диснейленде, и с того самого момента вся архитектура казалась нам все более захватывающей. Представляющие собой один из самых узнаваемых архитектурных символов в мире, эти разноцветные купола, напоминающие большие шарики итальянского мороженого джелато – полосатые, решетчатые и увенчанные золотыми крестами, – созерцать их было подлинным наслаждением. Путешествуя по Трансмонгольской железной дороге, я и Джем могли сделать остановку и два дня провести в Иркутске, затем продолжить путь до Улан-Батора перед тем, как завершить его в Пекине – 11 дней спустя.

Поскольку у нас уже был опыт поездки по России, на борт Трансмонгольского поезда мы взошли в состоянии легкого беспокойства, предвкушая соседство по

вагону в виде студентов, чудаков, любителей поездов и семейных пар на пенсии, которым хотелось вычеркнуть эту поездку из списка дел на жизнь. Нас сразу же начали пристально оглядывать, и мы поняли, что на этом поезде мы единственные иностранцы. При покупке билетов мы просматривали фотографии его интерьера – вагоны с кондиционерами и мягкими спальными местами, розетки и плазменные телевизоры, а в итоге оказались в купе с жесткими полками и окном с трещиной, а на полу валялась упаковка от презерватива.

До раннего вечера в наше купе никто не заходил, а затем в дверях появился мужчина среднего возраста с седыми волосами и слегка раскосыми глазами. С собой у него была небольшая спортивная сумка и черный чемоданчик, он разместил их под своей полкой, не обращая на нас никакого внимания, и уселся у окна, уставившись на проплывающие мимо березы, в этом положении он провел следующие четыре часа. Мы решили проявить к нему доброту и участие и купили ему мороженое, которое он принял, а затем положил на стол перед собой. Мы тихонько сидели на краешке койки, поедая мороженое и пытались угадать, что же произойдет дальше. Температура воздуха достигла 40 градусов, и мороженое, конечно же, начало таять. Мало экзерсисов в этой жизни столь же сложно осуществимы, как это сидение в полной тишине в купе и наблюдение за тем, как тает мороженое. Решив предоставить его самому себе, мы отправились в вагон-ресторан, а вернувшись час спустя, мы увидели мороженое там же, где он его и оставил, упаковка вся покрылась капельками воды. Он даже не посчитал нужным его выкинуть, оставив в качестве безмолвного свидетельства отвергнутой дружбы. Джем достал телефон и открыл приложение-переводчик с русского, после чего попытался пообщаться с нашим соседом, но тот неправильно понимал абсолютно все, что мы пытались ему сказать, и в ответ достал свой телефон и показал фотографии с охоты, где он позировал с ружьем. Скоро мы начали гадать, что же лежит в его черном чемоданчике.

В этот самый момент в купе заглянул Александр Первый и громко спросил: «Есть ли у вас проблемы?» Сейчас мне уже не казалось, что у нас нет никаких проблем, и я поежилась при виде этого гигантского блондина в олимпийке Adidas. Как выяснилось, Александр Второй проходил мимо нашего купе, когда мы пытались пообщаться с соседом с помощью приложения. Зная, что Александр Первый владеет английским, он отправил его к нам, чтобы переводить. Когда груз переживаний упал с наших плеч, мы предложили угостить Александра кружкой-другой пива, чем вызвали его большое недовольство, ведь для него под этим подразумевалось, что мы думаем, он не в состоянии купить их себе сам. После того как культурные разногласия были утрясены, мы все четвером отправились в вагон-ресторан, где закрепили вновь обретенную дружбу

большими кружками с пивом Noegaarden, радуясь, что наш сосед не составил нам компанию. Александр Первый и Александр Второй были счастливы видеть нас на борту поезда, подтвердив наши подозрения, что нам намеренно забронировали более дешевый и менее комфортный класс обслуживания, и в этом купе нам предстояло провести следующие пять дней.

Александр Первый был молодым адвокатом, и на поезде он ездил на судебные слушания в Киров, примерно раз в две недели, так что он уже был довольно опытным пассажиром этого поезда. Он все переводил Александру Второму, который направлялся в гости к семье, в Читу. Сквозь играющий в вагоне техно-хаус я смогла расслышать кое-что из их беседы между собой – не то чтобы я много понимала, зная меньше четырех слов по-русски, но, по крайней мере, создавалось впечатление, что я участвую в беседе. Официантка, женщина за 50, по имени Оксана, явно прониклась к нам симпатией. Каждый раз, когда она с тележкой проезжала мимо, она проводила рукой по моим волосам, а затем что-то громко говорила и грозила пальцем Александрам.

– Почему она злится? – спросила я.

– Она думает, что, если вы покупаете нам выпивку, значит, мы хотим извлечь из общения с вами выгоду. Говорит нам не пользоваться чужой добротой и наивностью, – сказал Александр Первый.

Я испытала облегчение, когда поняла, что в поезде у нас есть союзник, и улыбнулась Оксане, и она, обнажив зубы, улыбнулась в ответ, а затем хмыкнула, посмотрев на Александров.

– Пожалуйста, объясните ей, что это не тот случай.

– Я уже не могу ничего сказать. А вообще, что бы вам хотелось обсудить? Что вам интересно узнать о русских?

– Какое мнение у русских об англичанах? – спросил Джем.

– Вопрос в лоб. Вы хотите узнать общее мнение? Хорошо. Британия – страна очень консервативная, проамериканская, с заносчивым мнением о всех прочих странах, в том числе и входящих в Европейский союз. Великобританию считают американским шпионом внутри Евросоюза, засланного для внесения смуты

среди европейских народов.

И это тоже было мнение в лоб – и к тому же пугающе пронизательное, учитывая тот факт, что Брекситу еще только предстояло случиться[5 - На момент написания книги Великобритания еще была в составе Евросоюза. Она вышла оттуда 31 января 2020 года.]. Александр Второй лежал на своих сложенных на столе руках и бормотал что-то невнятное.

– Он выбит из колеи и не может разговаривать с вами, – объяснил Александр Первый. – Сейчас он шутит – интересуется, не английские ли вы шпионы.

– О, меня бы никогда не взяли в шпионы. Я для этого слишком болтлива, – ответила я.

Александр Второй почесал ухо и нахмурился, прежде чем задать длинный и подробный вопрос. В сравнении с Александром Первым это был крошечный человек, с глубоко посаженными, полными подозрения глазами и узкими губами. В этот июньский жаркий день он был также одет в олимпийку Adidas и шлепки.

– Хочет узнать, где вы останавливались в Москве, – перевел Александр Первый.

– Ты уверен, что это все, что он спросил?

– По большей части да.

– Гостиница «Меркурий» на Бауманской.

– И сколько стоил номер в сутки?

– Примерно 35 фунтов.

– А в рублях, он хочет узнать, сколько это было в рублях.

– Зачем?

– Говорит, что просто интересно.

– Около 2800...

Александр Второй выглядел удовлетворенным ответом, затем похлопал Первого по руке. Началась очередная длинная дискуссия, а Оксана тем временем уселась напротив, угрюмо взирая на Александров и шлепая своим полотенцем о столик. Александр Первый вздохнул и улыбнулся:

– Нравится ли вам наш президент, Владимир Путин? Вот что он спросил. Хочет узнать, какое у вас впечатление.

В течение следующих трех часов Александр Второй умудрился выяснить, где я купила свои часы, сколько мы платим по ипотеке, как у нас чистят снег в школах зимой, сколько стоит свежая курятина в мясной лавке, популярен ли футбол в небольших городах и почему англичане такие чопорные. В свою очередь, мы узнали, что он работает инженером на железной дороге, а родом из Читы. Если за этим столом кто и работал в разведывательных органах, то это явно были не мы. Я задумалась и решила какое-то время помолчать и понаблюдать за происходящим – Александр Второй никогда не встречал англоговорящих людей в этом поезде, и интересны мы ему были по неким личным причинам, так же как я была заинтересована в общении с ним – по своим. Удовлетворенный и явно сильно перебравший, он взболтал в кружке остатки третьей пинты пива, и в это время к столу подошла женщина и потрясла его за плечо. На голове у нее был неряшливый пучок, мокрый от пота, лицо отекавшее и розовое, как будто она только проснулась. Скидывая ее руку, Александр Второй предпочел не обращать на нее внимания до тех пор, пока она несколько раз громко не выругалась. Мне не нужно было знать русский, чтобы понять, что это оскорбления. Он закатил глаза и промычал что-то нечленораздельное в свою кружку.

– Его девушка злится, что он сидит здесь, а она там одна, а еще он пьет, и, в общем, это просто трагедия, – объяснил Александр Первый.

– Он оставил ее одну? Я и не подумала бы, что он едет с кем-то.

– Да, они едут вдвоем, и в нашем купе есть еще одна девушка, она сама по себе.

– Я чувствую себя виноватой.

– Не стоит, все в порядке. Он хочет остаться здесь и поговорить с вами. Говорит, что, если останется, они не поссорятся со своей девушкой.

Судя по крикам, раздававшимся из их купе той ночью, это была не совсем точная информация.

Спустя час после заказа нам принесли тарелку чипсов, лоснившихся от масла и покрытых укропом. Еда явно не была сильной стороной этого поезда, и скорее это был вагон-бар, чем вагон-ресторан, но стоит заметить, ассортимент здесь был обширнее, чем черный хлеб и яичница. В вагоне была красная подсветка, красные сиденья и играл евродэнс, по атмосфере все напоминало подвальный бар в Сохо, такой, в котором обычно оказываешься ближе к концу ночи, когда найти что-то получше уже просто нереально. Все, кто был по-настоящему голоден, устраивали пикники в своих купе: столы ломились от фруктов, пакетированных соков и сушеного омуля, завернутого в газеты, видимо, очень популярного у местного населения. В коридоре вагона стоял слабый аромат рыбы, нарезанной тонкими и длинными ломтями. Выпив четвертую пинту, Александр Второй решил, что настало время покурить. Курение в поезде было запрещено, но тем не менее курили все – от пассажиров, нависших над открытыми окнами, до поваров, дымивших прямо над плитами. Александр Первый приоткрыл занавески и воззрился в темноту.

– Он все шутит, что я владею множеством государственных тайн, так как работаю в судебной системе, и думает, что я собираюсь поведать их вам. Переживает, что вы шпионы.

– А он сам, случайно, не шпион? Или, может быть, шпион ты?

– Я не переживаю.

Я не поняла его ответа.

– Много ли ездят на поездах?

– Да, в России часто ездят на поездах. Это второй по популярности вид транспорта после автомобилей. Здесь вполне терпимые условия. Если бы не было этого поезда, не знаю, как многие пассажиры могли бы добраться до нужных мест.

- Этот поезд считается комфортным?

- О нет, это помойка! На мой взгляд, он ужасен. Я его ненавижу. Ненавижу ездить в Киров, настолько мне не по нраву этот поезд. А вы вообще сумасшедшие, раз вам пришло в голову на него сесть.

Александр Второй вернулся с зеркальным фотоаппаратом и ткнул на мой блокнот.

- Ему нравится твой почерк, считает, что он очень красивый, - сказал Александр Первый. - Спрашивает, можно ли его сфотографировать.

Пораженная его изобретательностью, я было собиралась ответить, как вдруг Александр Второй схватил блокнот и начал фотографировать страницы так, словно это было место преступления. Государственных тайн в нем точно не было, и единственное, что он мог там обнаружить, если планировал перевести текст, - это несколько довольно скучных описаний берез и претенциозные записки на тему зависимости эволюции людей от окружающего их ландшафта.

С другой стороны вагона в нашу сторону двинулся старик в майке-алкоголичке и, поравнявшись с нами, навис над нашим столом. Взяв мою руку в свою, он произнес длинный монолог, прежде чем ее поцеловать, а затем вернулся к своему столику, откуда продолжал пристально наблюдать за нами из-за банок пива Stella.

- Что это было? - спросила я.

- Это он так вас поприветствовал, - ответил Александр Первый. - Это был способ показать, что вам рады в России и в этом поезде в частности.

- Это мило, - заметил Джем и улыбнулся мужчине.

Переполненный эмоциями, Александр Второй внезапно вскочил и пожал нам руки, а затем бросился обниматься и даже впервые улыбнулся. От него пахло пивом и свежим потом, на моей щеке остался мокрый след. Из-за его плеча я увидела Оксану, качавшую головой.

В полном изнеможении мы вернулись в купе, где я выудила из наших запасов лапшу быстрого приготовления в пластиковом стакане и вышла в коридор, чтобы наполнить его кипятком. В каждом вагоне стоял самовар, который идеально подходил для заваривания чая и лапши, а также для быстрого застирывания вещей и задушевных разговоров. Джем вышел из купе, чтобы почистить зубы, а я ждала, пока стаканчик с лапшой слегка остынет, в этот момент дверь в вагон распахнулась и появился мужчина, который до этого целовал мою руку, – на майке у него было большое пятно от борща, – и вновь потрогал ее. Я вежливо, но настороженно улыбалась, когда он опять начал придвигаться ко мне и внезапно схватил за запястье и поцеловал в плечо. Инстинкт подсказывал мне, что нужно вылить на него кипяток из стаканчика, но мне было жаль переводить еду, я была голодна. В панике я использовала свою незанятую руку, чтобы постучать в дверь проводнику как раз в тот момент, когда мужчина обнял меня за талию. Наш проводник был приветливым молодым человеком, он немного шепелявил, и по стечению обстоятельств звали его тоже Александр – или Саша. Как-то раз мы провели полдня, обмениваясь монетами из разных стран. Я взмолилась, чтобы он оказался в своем купе. Саша открыл дверь и тут же оторвал руки мужчины от меня, причем реакция была настолько молниеносной, что сразу было понятно, что это не первый раз, когда ему приходится заниматься подобным. Оттолкнувшись от стены, Саша протиснулся между нами и указал мужчине на выход из вагона. Тот застыл с недовольной гримасой, отказываясь уходить; продолжалось это до тех пор, пока Саша не прикрикнул на него в последний раз, и он, сдавшись под напором, поплелся в свой вагон. Я была очень благодарна Саше за свое спасение и нырнула в наше купе, чтобы дать ему что-то из последних британских банкнот, что у нас оставались. Самой мелкой оказалась десятифунтовая и, схватив ее, я отправилась к нему.

– Нет, нет, нет, по, по, – сказал Саша.

– Сувенир, – ответила я. – Чарльз Диккенс.

Его лицо посветлело.

– А-а-а! Хорошо! Рубль-рубль! – воскликнул он, протягивая мне калькулятор. Я вбила курс обмена валюты, а он пристально наблюдал за моими подсчетами, и тут его рот раскрылся от удивления:

– Ба-а-а!

– Сувенир, – повторила я.

– Йес, йес, – сказал Саша, с восторгом взирая на банкноту.

Было маловероятно, что он в итоге сохранит сумму в 800 рублей в качестве сувенира, но это я оставила на его усмотрение. Десять фунтов – хорошие чаевые за 5 дней, свободных от приставаний.

В ту ночь я лежала на своей полке, а в голове кишели мысли. Может быть, я подала какие-то сигналы, тем самым позволив мужчине поцеловать мою руку? Может, он не заметил, что я с Джемом? Или воспринял это как соревнование? Пока я путешествовала одна, одевалась крайне сдержанно, примерно как горничная викторианской эпохи, я не поднимала глаз, проводила время, уткнувшись в свой блокнот, но все же характер моей работы заставляет меня быть вовлеченной в происходящее вокруг, быть открытой и коммуникабельной. Во время путешествия по Индии ко мне часто приставали и даже издевались, и никогда я не давала для этого повода, просто там ответственность полностью ложится на женщин – одеваться в длинное, прикрываться по максимуму, отводить взгляд, держаться подальше от улиц, уходить домой как можно раньше и не выходить после наступления темноты, путешествовать только с компаньонкой. Никто не диктовал мужчинам, что следует делать им: не пялиться, не преследовать женщин и уже тем более не насиловать их. Эта несправедливость заставляла меня распалаться все больше. Именно поэтому так мало женщин решается изучать мир без сопровождения мужчин: они слишком боятся того, что один из них может с ними сделать.

Был вечер вторника, наш второй день в этом поезде, и с нами в купе теперь ехали отец и сын из Голландии, по имени Франц и Ренс, подсевшие в Екатеринбурге. Они появились в дверном проеме в фиолетовой вспышке электрического света, с их обуви ручьями стекала вода. Ренс только что закончил университет, и они с отцом отправились в шестинедельное путешествие на поездах из Амстердама в Пекин. Франц и Ренс оказались очень веселыми и добродушными малыми и, кроме того, идеальными попутчиками – мы делились разными историями из поездок за металлическими кружками с растворимым кофе «Нескафе», поедая бублики и маленькие, очень сладкие ягоды клубники, купленные на платформе в Перми. Они были путешественниками со стажем – останавливались только в русских семьях, с которыми договаривались заранее, – и с радостью делили с нами мороженое.

После того вечера единения Александр Первый сошел на своей остановке в Кирове, а Александр Второй провел большую часть ночи за ссорой со своей девушкой, а оставшуюся – в похмелье, после чего следующие четыре дня предпочитал нас игнорировать.

– Транссибирский поезд не задумывался как роскошный и комфортабельный экспресс, в котором можно насладиться видами, распивая шампанское, сидя в мягком кресле. Его предназначением была перевозка русских крестьян в Сибирь. Вы знали, что в период между 1891 и 1914 годами более 5 миллионов людей отправилось туда за лучшим будущим и перспективами? – спросил Джем.

– А ты знал? Или ты сейчас просто продекламировал вслух строки из путеводителя Ренса?

Джем посмотрел на полку над собой.

– Вообще, может, и знал. По крайней мере, теперь мы можем быть уверены, что едем на аутентичном крестьянском поезде, а не на рекламной завлекаловке для туристов. – Он перевернул страницу и продолжил чтение. – Его еще называли «караваном», потому что он проходил одновременно через огромное количество городов и по беспросветной глухомани.

– Мне не нравится этот термин, – сказал Ренс, заново завязывая волосы в хвост. – Только городские могут называть отдаленные от них места глухоманью. Звучит предосудительно.

– Как и «пропавшие» племена, – добавил Франц, жестами показывая в воздухе кавычки.

Я никогда не придавала большого значения, да и в общем не задумывалась об этом слове, но сейчас я осознала, что оно имеет яркий оттенок презрения. Глухоманью отдаленные поселения были только с позиции людей, кто жил от них далеко и никогда там не бывал. А для тех, кто там жил, эта самая глухомань была домом. Сидя на своей полке, я провела большую часть дня, смотря в окно: монотонность сельской местности иногда прерывалась деревеньками, у которых были названия, и в них были магазины, школы, объединенные общими интересами люди. Это название было столь же высокомерным, как и «пропавшие» племена, которые и не считали себя пропавшими до тех пор, пока

представители западного мира не прибывали к их берегам, чтобы купить связанные вручную ковры и оценить местную выпивку. Предполагать, что представители племени рассаживались на берегу в ожидании, пока их найдет какой-нибудь именитый западный ученый-антрополог, – довольно глупо. По всей видимости, они комфортно себя чувствовали в своей среде обитания и умышленно сделали выбор в пользу того, чтобы не осваивать земли вокруг. Чувствуя свою вину, я сделала заметку в блокноте о том, что больше не хочу использовать слово «глухомань».

Известная своим резко континентальным климатом, Сибирь выбивала нас из колеи своей изнуряющей жарой. Кондиционер еле справлялся со своей работой, а из окон в вагон поступал более горячий воздух, чем уже был внутри. Замотанная во влажные простыни, я провела большую часть путешествия лежа, стараясь не двигаться, наблюдая за тем, как мимо нас проплывали голые деревья, напоминающие незаточенные карандаши. Каждые пару часов в пейзаже также появлялся сельский домик с неизменно припаркованной перед ним «Ладой». Пугала стояли посреди картофельных полей, грунтовые дороги петляли среди лесов. Я зашла в приложение «Google Карты» и увидела голубой шарик, обозначающий мое местоположение, петляющим по территории без каких-либо обозначений. С тем же успехом можно было воспользоваться навигатором, путешествуя к оси Земли. Во время перелетов состояние нахождения «между» пунктами назначения ощущается особенно четко, а вот в поездке на поезде постоянно проезжаешь мимо поселений, городов и морей, которые являются своеобразными отметками на пути из точки А в точку Б. Сейчас же мы словно болтались в открытом космосе, где не было ровным счетом ничего.

К закату у земли стали собираться клубы тумана, окружая леса подобно неведомой магической силе. Пять дней, проведенные в поезде, подарили нам редкие возможности – наконец добраться до прочтения толстых интересных книг и вдоволь насмотреться на окрестности. Я заранее скачала «Войну и мир», «Преступление и наказание» и «Молодой Сталин» на свой kindle в надежде на то, что к приезду в Китай стану более образованным и культурным человеком. Но стоило мне приступить к чтению «Войны и мира», жара и укачивание делали свое дело, и я погружалась в сон: мне так и не удалось продвинуться дальше перечисления Курагиных, как мы уже сошли с поезда.

Между Москвой и Иркутском было сделано около 80 остановок на станциях, иногда остановка продолжалась не более 2 минут, а иногда это был целый час,

во время которого туалеты закрывались, а всем, кто желал умыться или помыть руки, приходилось это делать прямо на платформе. Обычно такая участь выпадала Джемму, он все время выбирал неудачные моменты, чтобы почистить зубы, и в итоге выскакивал наружу, выплевывая остатки зубной пасты на пути. Для всех остальных пассажиров часовые остановки давали возможность выйти на улицу и размяться, вспомнить, что существует еще мир вне четырех стен купе, которое уже наполнилось характерным ароматом нестиранного белья. Российские вокзалы и станции в большинстве своем оказались довольно симпатичными – часто разных оттенков мяты, с белыми трубами, украшенные старыми башнями с часами. Прогуливаясь от одной добродушной babushka к другой, я покупала то домашний сыр, то пироги, или просто наблюдала за тем, как довольно крупные женщины в малюсеньких шортиках не по размеру продавали омуля: рыба была насажена на крюки за глаза и связана пучками, отчего напоминала связки ключей. На одной из таких остановок я наткнулась на тележку одной леди, которая была слишком занята разговорами с подругой и не обращала на меня внимания, и предложила ей 90 рублей (1 фунт) за колоду игральных карт. Она рассмеялась мне в лицо, ткнула подругу локтем, и та тоже рассмеялась. Даже ее сын, который сидел на дне тележки, закрыл глаза руками, не веря, что кто-то мог захотеть приобрести эту жалкую колоду из 36 карт.

К вечеру среды я уже перестала беспокоиться о том, чтобы расчесать волосы или сменить одежду, и проводила время в вагоне-баре, где работал кондиционер, прямо в своей пижаме, и по ощущениям там было все же прохладнее, чем на поверхности солнца. Оксана приносила все новые тарелки жареных грибов с укропом, гладила меня по голове и отмахивалась полотенцем от всех, кто пытался подойти ко мне, а я неизменно привлекала внимание. Так, например, какой-то старичок предложил угостить меня блинами с творогом, завидев, как я поедаю очередную порцию лапши быстрого приготовления. Она болтала со мной по-русски и совсем не переживала, что я отвечаю ей по-английски и ни одна из нас не понимала другую, при этом мы обе были довольны такой компанией. Проводник Саша периодически приходил ко мне и дарил то памятные монеты Сочинских Олимпийских игр, то книги, которые оставили после себя пассажиры, до тех пор, пока их не образовалась целая куча. У меня оставалось все меньше того, что я могла предложить ему взамен, и я начала отдавать ему новые зубные щетки, которые Джемм обычно собирал в разных отелях, где мы останавливались. Изначальная холодность, с которой нас встречали русские, испарилась по мере наматывания все большего количества километров вместе, наш совместный опыт горя и радости в итоге породил естественный симбиоз, характерный только для поездов.

К полудню четверга я потеряла счет времени и перестала ориентироваться в пространстве, мне казалось, что на календаре все еще среда, и это нисколько меня не смущало. Два парня в военной форме играли в карты за соседним столом, распивая первую бутылку водки, которую мне довелось увидеть в этом поезде с момента посадки. Они пили одну рюмку за другой, перемежая их фруктовым соком, что опровергало мои представления о суровых традициях распития этого исконно русского напитка, и даже предложили выпить с ними. Во время обмена сувенирами я подарила им пару недорогих почтовых марок, а в ответ получила дымовую шашку. Она отлично смотрелась с респиратором, который Джем прихватил в нашем отеле в Москве.

В пятницу ближе к закату мы прибыли в Иркутск. С того момента, как мы покинули Москву, мы пересекли четыре часовых пояса, хотя на каждой станции часы показывали московское время, и сейчас страдали от джетлага и тотальной дезориентации.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Trains ? Grande Vitesse – «скоростные поезда» (фр.).

2

Бурфи – десерт из уваренного сгущенного молока в индийской кухне.

3

Бирияни – традиционное блюдо индийской кухни на основе риса с добавлением овощей, мяса или рыбы и различных специй.

4

Ландромат – стиральная машина в прачечной самообслуживания.

5

На момент написания книги Великобритания еще была в составе Евросоюза. Она вышла оттуда 31 января 2020 года.

Купить: https://tellnovel.me/ru/radzhesh_monisha/vokrug-mira-na-80-poezdah-72-000-kilometrov-novyh-otkrytiy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)